Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 47–58.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 47–58.

Научная статья
УДК 339.972
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/47-58

Комплементарность региональных политик приграничных территорий: институциональный подход и международный опыт

Андрей Борисович Волынчук
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, i-abv@yandex.ru
Сергей Константинович Песцов
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, skpfox@yandex.ru
Виталий Евгеньевич Болдырев
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, boldyrev89@list.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических и практических аспектов комплементарности как важного условия, определяющего эффективность трансграничного сотрудничества приграничных территорий. На основе обобщения научных подходов уточняется содержание понятия комплементарности и предлагается его характеристика как инструмента сопряжения социально-экономических систем и согласованности региональных политик. Методологической основой анализа выступает институциональный подход, позволяющий рассматривать комплементарность как способ и результат формализации механизмов координации кооперационных стратегий. Сравнительный анализ моделей трансграничного взаимодействия приграничных территорий Европейского союза, Северной Америки и Юго-Восточной Азии позволил выявить специфические особенности практики согласования подходов к организации и управлению сотрудничеством в различных политико-экономических контекстах. Общие результаты позволяют сделать ряд выводов о возможностях, специфике и ограничениях формирования комплементарности применительно к российско-китайскому приграничью.
Ключевые слова: *комплементарность, трансграничное взаимодействие, приграничные территории, региональная политика, институциональный подход, российско-китайское сотрудничество, институциональная координация*

Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 25-18-20055 "Интересы и политика развития сопредельных с Россией территорий КНР и КНДР: согласование и взаимная адаптация стратегий как фактор социально-экономического развития юго-восточной части Дальневосточного федерального округа (ДФО)"

Для цитирования: Волынчук А. Б., Песцов С. К., Болдырев В. Е. Комплементарность региональных политик приграничных территорий: институциональный подход и международный опыт // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 47–58. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/47-58

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/47-58

Complementarity of regional policies in border regions: an institutional approach and international experience

Andrei B. Volynchuk
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, i-abv@yandex.ru
Sergei K. Pestsov
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, skpfox@yandex.ru
Vitalii E. Boldyrev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, boldyrev89@list.ru

Abstract. The article examines the theoretical and practical dimensions of complementarity as an important condition determining the effectiveness of cross-border cooperation between border regions. Drawing on a synthesis of scholarly approaches, it clarifies the concept of complementarity and characterizes it as a mechanism for aligning socioeconomic systems and coordinating regional policies. The analysis is based on an institutional approach, which makes it possible to view complementarity both as a means and as an outcome of formalizing mechanisms for coordinating cooperation strategies. A comparative analysis of cross-border interaction models in the border regions of the European Union, North America, and Southeast Asia identifies the distinctive features of practices used to coordinate approaches to the organization and governance of cooperation across different political and economic contexts. The findings provide a basis for conclusions regarding the possibilities, specific characteristics, and limitations of developing complementarity in the context of the Russian–Chinese border region.
Keywords: *complementarity, trans-border cooperation, border-line territories, regional policy, institutional approach, Russian-Chinese partnership, institutional coordination*

The paper is supported by Russian Scientific Fund. Project 25-18-20055 "Interests and development policy of neighbouring for Russia PRC and DPRK territories: coordination and mutual adaptation of strategies as a factor for social-economic development of South-East part of Far Eastern Federal District"

For citation: Volynchuk A. B., Pestsov S. K., Boldyrev V. E. Complementarity of regional policies in border regions: an institutional approach and international experience // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 47–58. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/47-58

© Волынчук А. Б., Песцов С. К., Болдырев В. Е., 2026.

Введение

Современный этап пространственного развития характеризуется заметным усилением внимания к приграничным территориям как к зонам потенциальной интеграции и институционального взаимодействия. Расширение трансграничных инициатив свидетельствует о том, что государственные и региональные акторы всё чаще рассматривают границы не только как линии разграничения, но и как пространства взаимодействия, способные генерировать новые формы развития. В различных макрорегионах мира наблюдается институционализация механизмов сотрудничества, направленных на согласование стратегий развития сопредельных территорий. Однако накопление институциональных форм и управленческих инструментов сопровождается устойчивым разрывом между интенсивностью декларируемого взаимодействия и его результатами. В то же время практический опыт указывает на то, что устойчивость трансграничных процессов во многом определяется не наличием взаимодействий как факта, а степенью взаимодополняемости институциональных режимов, управленческих инструментов и стратегических приоритетов, действующих по обе стороны государственной границы. В таком контексте категория комплементарности позволяет рассматривать трансграничное сотрудничество как процесс сопряжения разнородных институциональных конфигураций, а не только как совокупность проектов или формальных соглашений.

Несмотря на широкое использование данного концепта в экономической теории, институциональном анализе и исследованиях политического управления, его применение к анализу приграничных территорий остается эпизодическим и методологически разрозненным. Комплементарность чаще трактуется или как характеристика взаимодополняемости факторов производства и отраслевых структур, или как согласованность отдельных политических инструментов, тогда как проблема соотношения территориальных систем и режимов региональной политики в приграничье остаётся на периферии внимания. Отсутствие целостной аналитической рамки ограничивает возможности объяснения того, почему сходные институциональные форматы трансграничного сотрудничества приводят к различным результатам в разных региональных контекстах.

Цель данной работы состоит в теоретико-методологическом осмыслении феномена комплементарности применительно к проблематике трансграничного взаимодействия приграничных территорий и выявлении институциональных механизмов её достижения на основе анализа международного опыта, использование которого позволяет, в числе прочего, по-новому оценить перспективы сотрудничества приграничных районов Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

- проанализировать существующие подходы к определению понятия "комплементарность" в социально-экономических и управленческих исследованиях;
- разграничить комплементарность территориальных социально-экономических систем и комплементарность инструментов региональной политики сопредельных государств;
- выявить и сопоставить основные институциональные модели достижения комплементарности на примере Европейского союза, Северной Америки и Юго-Восточной Азии;
- определить возможности использования выявленных теоретических и практических подходов для анализа российско-китайского приграничного взаимодействия.

Предваряя дальнейшее изложение материала, следует также обозначить важный момент: в центре исследования находится не институциональная теория как таковая, а проблема комплементарности региональных политик приграничных территорий, которая определяется степенью согласованности целей, инструментов и механизмов территориального развития и проявляется на уровне их практической реализации. Институциональный подход в работе используется в качестве аналитического инструмента, позво-

ляющего исследовать механизмы согласования различных режимов регионального развития в условиях трансграничного взаимодействия.

Концептуальные подходы к определению комплементарности в современной научной традиции

Практика применения понятия "комплементарность" в современных исследованиях сформировалась на пересечении нескольких дисциплинарных направлений – экономической теории, институциональной экономики, исследований публичного управления и регионализма, каждая из которых фиксирует различные аспекты взаимодополняемости структур, институтов и политических практик.

Отсутствие единого междисциплинарного определения во многом обусловлено тем, что эта категория формировалась как операциональный инструмент внутри отдельных исследовательских традиций, каждая из которых акцентирует собственный уровень анализа и собственный тип взаимодополняемости. При этом ключевой объединяющей характеристикой является представление о комплементарности как о системном эффекте взаимного усиления элементов, при котором совокупный результат превышает сумму изолированных эффектов отдельных компонентов.

В современной политэкономии концепт комплементарности получил развитие в рамках подхода Varieties of Capitalism (VoC). В работах П. Холла и Д. Гингерича комплементарность определяется как взаимное усиление институциональных практик в различных подсистемах экономики – рынках труда, корпоративном управлении, финансовых системах и др. **[9]**.

Институциональная экономика несколько изменила вектор понимания комплементарности, смещая его больше в сторону изучения взаимосогласованности институтов и правил, обеспечивающих устойчивость определённых моделей развития. В этой традиции комплементарность проявляется через взаимное усиление различных институциональных элементов – сочетание механизмов регулирования, моделей корпоративного управления или систем координации рынков. Такой подход позволяет объяснить различия национальных рыночных моделей и устойчивость институциональных траекторий, однако он преимущественно ориентирован на внутригосударственные системы и лишь косвенно затрагивает вопросы взаимодействия между различными международными институциональными режимами, под которыми в рамках настоящего исследования понимаются относительно устойчивые конфигурации формальных правил, распределения полномочий, процедур принятия решений и организационных практик, определяющих реализацию региональной политики на конкретной территории.

В исследованиях, посвящённых вопросам региональной политики, категория комплементарности часто используется для описания согласованности инструментов управления. Здесь она пересекается с концепциями policy mix и многоуровневого управления (Multi-Level Governance, MLG), где комплементарность понимается как способность различных мер и механизмов взаимно усиливать эффект друг друга. В этой логике ключевым становится вопрос институциональной совместимости управленческих решений и согласования стратегий между различными уровнями власти **[23]**. В дальнейшем исследования комплементарности в рамках этого направления развивались в сторону изучения возможностей согласования структур управления, анализа форм сетевых механизмов взаимодействия и установления условий их эффективности **[21]**.

Наконец, в исследованиях трансграничного регионализма понятие комплементарности используется для объяснения формирования трансграничных регионов – пространств взаимодействия, возникающих на основе институционального сопряжения территорий. Анализ трансграничных процессов сосредоточен либо на институционализации сотрудничества, либо на экономических эффектах интеграции, тогда как вопрос о взаимодополняемости сопредельных структур развития и согласованности политических режимов остаётся недостаточно концептуализированным. В результате комплементарность воспринимается как желаемый результат взаимодействия, но редко становится самостоятельным аналитическим объектом **[19]**.

Таким образом, ни одно из четырёх пониманий комплементарности в современной научной традиции не предлагает обоснованной содержательной интерпретации концепта комплементарности применительно к приграничным региональным политикам как самостоятельному объекту исследования, что создаёт теоретическую нишу для дальнейшего анализа.

Структурный и институционально-политический уровни комплементарности в исследовании приграничного взаимодействия

Представленный обзор научных подходов демонстрирует, что категория комплементарности используется в различных дисциплинарных контекстах для описания взаимодополняемости элементов сложных систем, однако при этом сохраняется существенная неоднородность уровней анализа. В результате при переносе категории в анализ приграничного взаимодействия возникает методологическая неопределённость. С одной стороны, трансграничное сотрудничество предполагает взаимодействие территорий как социально-экономических систем, обладающих собственной структурой специализации, институциональными режимами и траекториями развития. С другой – оно реализуется через конкретные инструменты региональной политики, которые могут усиливать или, напротив, ограничивать потенциал такого взаимодействия. Отсутствие чёткого разграничения между этими уровнями приводит к смешению причин и следствий. В результате низкая результативность трансграничных инициатив может интерпретироваться либо как следствие несовместимости территориальных структур, либо как результат институциональной несогласованности политик, что затрудняет корректную диагностику проблем.

Исходя из этого, представляется оправданным при дальнейшем анализе разведение двух взаимосвязанных, но не тождественных подходов к пониманию комплементарности. Во-первых, комплементарность может рассматриваться как характеристика потенциала сопряжения социально-экономических территориальных систем, отражающая степень взаимодополняемости их структурных параметров: экономической специализации, инфраструктурной конфигурации, институциональной среды и моделей пространственного развития. В этом смысле комплементарность выступает как (необходимое) условие возможности трансграничного взаимодействия, определяя, в какой мере сопредельные территории способны формировать взаимовыгодные связи.

Во-вторых, комплементарность проявляется на уровне инструментов и механизмов регионального управления, через которые взаимодействие институционализируется и переводится в практику совместных действий. Здесь речь идёт о согласованности стратегий, совместимости нормативных режимов, распределении полномочий между уровнями власти и наличии горизонтальных сетей акторов, обеспечивающих координацию решений. Под этим углом зрения комплементарность представляет собой не исходное свойство территорий, а результат институциональной настройки и управленческого взаимодействия.

Принципиальное значение такого разведения заключается в том, что потенциал структурной взаимодополняемости территорий не гарантирует достижения комплементарности на уровне политик и инструментов управления. Напротив, даже при наличии объективных предпосылок для сотрудничества институциональные различия могут препятствовать формированию устойчивых режимов взаимодействия. Соответственно, анализ трансграничных процессов требует отдельного рассмотрения двух разных измерений – структурного и институционально-политического – с последующим выявлением механизмов их сопряжения.

Институциональная комплементарность как аналитическая основа исследования трансграничного взаимодействия

Разведение уровней комплементарности предоставляет возможность уточнить требования к теоретическому формату исследования. Как уже отмечалось выше, экономические подходы, ориентированные на выявление структурной взаимодополняемости территорий, позволяют зафиксировать наличие или отсутствие объективных предпосылок для трансграничного взаимодействия, однако при этом они недостаточно чувствительны к вопросам

институциональной координации и различий управленческих режимов. Концепция MLG акцентирует внимание на распределении полномочий и взаимодействии уровней власти, но в большей степени описывает архитектуру управления, чем механизмы согласования институциональных правил между различными политико-административными системами. Сетевые подходы, в свою очередь, эффективно объясняют роль горизонтальных взаимодействий акторов и формирование кооперационных структур, однако часто недооценивают влияние формальных институтов и нормативных ограничений, задающих правила этих взаимодействий.

В условиях трансграничности ключевым становится не только наличие структурной взаимодополняемости территорий или развитых сетей акторов, но, прежде всего, способность различных институциональных режимов к взаимной адаптации и согласованию. Именно на этом уровне проявляется проблема комплементарности инструментов региональной политики, т. к. различия в правовых системах, моделях управления и стратегических приоритетах способны существенно ограничивать или усиливать реализацию объективного потенциала сотрудничества.

Институциональный подход позволяет рассматривать комплементарность не как статическое совпадение характеристик взаимодействующих систем, а как результат согласования институтов – формальных правил, норм и устойчивых практик, определяющих поведение акторов и границы возможного взаимодействия. Формирование данного исследовательского подхода связано с развитием институциональной теории, в рамках которой произошёл переход от общего понимания институтов к анализу их взаимодополняемости. Его теоретико-методологической основой выступает концепция институтов как "правил игры", предложенная Д. Нортом. В рамках новой институциональной экономики институты рассматриваются как совокупность формальных и неформальных ограничений, снижающих неопределённость и структурирующих взаимодействие акторов **[18]**. В логике трансграничного сотрудничества это означает, что эффективность взаимодействия определяется не только экономическими стимулами или ресурсной взаимодополняемостью территорий, но и совместимостью институциональных моделей, внутри которых действуют участники сотрудничества. "Нортовский подход" фиксирует фундаментальную предпосылку: значительные различия институциональных сред неизбежно будут создавать дополнительные транзакционные издержки, препятствующие реализации объективного потенциала комплементарности, которые проявляются в виде дополнительных затрат на согласование нормативных требований, получение разрешительной документации, прохождение таможенных процедур, адаптацию к различным административным практикам и пр. Повышение институциональной комплементарности способствует снижению подобных издержек за счёт предсказуемости процедур и согласованности механизмов регулирования.

Другая методологическая составляющая институционального анализа связана с идеями П. Холла и Р. Тейлора, предложивших типологизацию институционализма институционализм рационального выбора, исторический и социологический институционализм **[10]** и тем самым расширивших понимание природы институциональной комплементарности. В их интерпретации институты функционируют не изолированно, а в виде взаимосвязанных конфигураций, в которых эффективность отдельных элементов зависит от согласованности с другими институциональными компонентами. В контексте трансграничного взаимодействия это означает, что комплементарность региональных политик должна рассматриваться как согласование целостных институциональных конфигураций сопредельных стран, а не как адаптация отдельных инструментов.

Дальнейшее развитие концепции институциональной комплементарности связано с работами М. Аоки, который рассматривает институты как равновесные структуры стратегического взаимодействия, возникающие в процессе координации ожиданий акторов **[2]**. В рамках данного подхода комплементарность понимается как взаимное усиление институтов, при котором эффективность одного институционального механизма зависит от наличия другого. Для анализа трансграничных процессов это особенно важно, поскольку взаимодействие региональных политик разных государств предпо-

лагает столкновение различных моделей координации – административных, рыночных и сетевых. Аоки концептуализирует комплементарность как процесс формирования устойчивых трансграничных равновесий, возникающих через адаптацию и взаимную настройку институциональных механизмов.

Таким образом, развитие логики институционального подхода создаёт теоретическую основу для исследования комплементарности региональных политик приграничных территорий, которая интерпретируется в данной статье как динамический процесс согласования институциональных режимов, определяющий успешность трансграничного взаимодействия.

Модели трансграничной комплементарности: опыт ЕС, Северной Америки и Юго-Восточной Азии

Анализ комплементарности региональных политик приграничных территорий требует выхода за пределы теоретических конструкций и обращения к практическим моделям, оформляющихся в разных макрорегионах мира. В современных условиях трансграничное взаимодействие всё чаще приобретает системный характер, однако механизмы достижения комплементарности существенно различаются в зависимости от политико-административной архитектуры и доминирующей логики межгосударственной координации. Сопоставление различных моделей позволяет выявить институциональные способы снижения транзакционных издержек трансграничного сотрудничества и определить, в какой мере формализация, договорная координация или сетевое взаимодействие выступают ключевыми условиями достижения устойчивой комплементарности региональных политик приграничья.

Вместе с этим представленные далее примеры не претендуют на формирование исчерпывающей типологии комплементарности приграничных территорий. Их выбор обусловлен стремлением продемонстрировать различные институциональные механизмы, посредством которых в мировой практике обеспечивается сопряжение приграничных территорий.

Европейская модель: формализованная институциональная архитектура трансграничной комплементарности. Европейский опыт демонстрирует наиболее институционально оформленный вариант достижения комплементарности региональных политик приграничных территорий. Исторически подобное сотрудничество интенсивнее всего развилось там, где существовали природные регионы, разделённые государственными границами. Оно предполагало вовлечение большого количества участников (правительства, бизнес, НКО, местные органы самоуправления) с разными, подчас противоположными интересами, вследствие чего чёткая регламентация их деятельности воспринималась как необходимое условие для совместного развития приграничья **[3]**. Как следствие, в рамках ЕС комплементарность не рассматривается как спонтанный результат экономической взаимодополняемости или сетевой кооперации акторов. Она конструируется через систему формализованных правовых, программных и организационных механизмов, встроенных в архитектуру политики сопряжения.

Ключевым инструментом здесь выступает Европейское территориальное сотрудничество (European Territorial Cooperation, ETC), реализуемое через программы Interreg. Нормативная база закреплена в в Регламенте (ЕС) 2021/1059, определяющем цели, принципы и механизмы реализации трансграничного сотрудничества на период 2021–2027 гг. **[22]**. Тем самым трансграничное взаимодействие институционально интегрировано в общую систему распределения структурных фондов и стратегического развития Союза.

Европейская модель комплементарности строится вокруг нескольких взаимосвязанных институциональных механизмов:

1. Программная синхронизация стратегий. Процедуры Interreg требуют совместной разработки программных документов приграничными регионами разных государств. Это предполагает согласование приоритетов, индикаторов результативности и финансовых параметров в рамках единой логики управления. Тем самым минимизируется риск стратегической рассинхронизации региональных политик **[9; 21]**.

2. Юридически оформленные трансграничные структуры. Существенную роль играют Европейские объединения территориального сотрудничества (European Groupings of Territorial Cooperation, EGTC), обладающие

правосубъектностью и выступающие самостоятельными управленческими субъектами. EGTC обеспечивают переход от проектной кооперации к устойчивой институциональной модели совместного управления, снижая транзакционные издержки трансграничного взаимодействия **[19]**.

3. Финансовая интеграция. Совместное финансирование проектов из фондов ЕС формирует устойчивые стимулы к координации. Финансовые инструменты не просто поддерживают проекты, а институционально "привязывают" региональные стратегии к общей системе целей политики сплочения **[7]**.

4. Многоуровневая координация. Модель предполагает участие муниципального, регионального, национального и наднационального уровней управления. Это создаёт вертикально интегрированную систему согласования решений, в рамках которой трансграничные инициативы не выпадают из национальных систем планирования.

Важно подчеркнуть, что формализованная институциональная архитектура ЕС не является статичной конструкцией. Стратегическое планирование на период 2021–2027 гг. демонстрирует дальнейшую институциональную "кристаллизацию" модели, которая выражается в устранении трансграничных барьеров, совершенствовании систем мониторинга результатов, расширении инструментов координации макрорегиональных стратегий **[15]**. Тем самым комплементарность приобретает характер управляемого и, что наиболее ценно, воспроизводимого процесса. Это позволяет рассматривать европейскую модель не просто как совокупность трансграничных институтов, а как саморазвивающуюся институциональную систему, способную адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям без разрушения базовой логики формализации.

Североамериканская модель: проектно-сетевая логика трансграничной комплементарности. В отличие от европейской формализованной модели, североамериканская трансграничная комплементарность формировалась через поэтапное развитие производственных сетей, закреплённых договорными режимами и поддержанных инфраструктурной координацией. Исторические примеры длительного трансграничного сотрудничества были здесь редким исключением и обеспечивались лишь инициативой крупного американского бизнеса **[6]**. Её институциональная архитектура может быть охарактеризована как проектно-сетевая, в которой устойчивость взаимодействия обеспечивается не постоянными трансграничными органами управления, а воспроизводимыми производственно-сбытовыми цепочками и договорными рамками.

Отправной точкой стала программа макиладорас (1965 г.), направленная на индустриализацию северного приграничья Мексики. На начальном этапе (1966–1974 гг.) ключевыми преимуществами региона были дешёвая рабочая сила и транспортная инфраструктура **[16]**.

Однако уже в 1970–1980-е гг. происходит структурное усложнение взаимодействия. Мексиканское правительство заимствует идеи управления экономикой, разработанные международными финансовыми институтами при непосредственном участии США, и внедряет их в северном приграничье **[20]**. В этот же период американские корпорации начинают выносить отдельные производственные операции за рубеж, что формирует устойчивые внутриотраслевые связи. Возникает феномен трансграничной внутриотраслевой торговли, ставший ядром хозяйственного взаимодействия сопредельных территорий **[1, с. 342–349]**.

К моменту вступления в силу Соглашения о НАФТА 1 января 1994 г. трансграничное пространство приобрело функционально дифференцированную структуру. Производственная система организуется вокруг парных агломераций: Браунсвилль – Матаморос; Ларедо – Нуэво-Ларедо; Эль-Пасо – Сьюдад-Хуарес; Сан-Диего – Тихуана и др., за каждой из которых закрепляется своя специализация. В американских городах распространилась сервисная сфера, поддерживающая транспортные и торговые потоки, в то время как в мексиканских городах сконцентрировалось производство автокомпонентов и узлов из запчастей, поставляемых с предприятий Среднего Запада, а также электротехники и электроники из комплектующих, поступавших из Калифорнии и Аризоны **[4; 5; 14]**. Такая пространственная дифференциация форми-

рует комплементарность, которая становится результатом функционального разделения ролей в рамках трансграничной производственной цепочки.

Соглашение о НАФТА институционально закрепило сложившуюся модель. Как указывает Р. Стейнберг, либерализация тарифов, унификация стандартов и правил происхождения товаров усилили взаимную зависимость производственных комплексов **[25]**. При этом Северная Америка не создала наднациональных органов трансграничного управления, сопоставимых с европейскими структурами. Регулирование осуществлялось через договорные механизмы и национальные правовые системы. Таким образом, комплементарность в североамериканском приграничье формируется через:

- Трансграничные производственные проекты. Она возникает через распределение отдельных стадий производственного процесса по обе стороны границы. При этом проект изначально конструируется как единая цепочка, но институционально реализуется в двух юрисдикциях.
- Корпоративные стратегии поэтапного входа. Американские и международные компании заходят в приграничное пространство либо через первичный сборочный формат, либо через постепенное наращивание производственной глубины и локализацию смежников. Такая стратегия формирует институционально закреплённую сеть долгосрочного присутствия, усиливая зависимость регионов друг от друга.
- Договорные торговые режимы (НАФТА, позднее Соглашение США – Мексика – Канада (USMCA)). Соглашения создают нормативную среду, снижающую тарифные и регуляторные барьеры, закрепляя правила происхождения товаров и стандарты кооперации без формирования наднациональных управленческих институтов.
- Инфраструктурную сопряжённость транспортных коридоров. Развитие трансграничных магистралей и логистических узлов обеспечивает физическую основу производственной взаимозависимости. Инфраструктура выступает материальным каркасом сетевой комплементарности, обеспечивая минимизацию транзакционных и временны*х* издержек.
- Функциональную асимметрию ролей. Американская сторона преимущественно концентрирует управленческие, сервисные и финансовые функции, тогда как мексиканская – производственные и процессинговые операции. Такая асимметрия формирует устойчивую взаимодополняемость, в которой каждая сторона институционально закрепляет свою специализацию в общей цепочке создания стоимости.

В отличие от европейской формализованной модели, североамериканская модель демонстрирует иной механизм формирования комплементарности. Ключевым механизмом согласования выступает корпоративная координация и рыночная рациональность, а не постоянные трансграничные органы управления. Тем самым североамериканская модель может быть охарактеризована как институционально облегчённая, но структурно устойчивая система трансграничной комплементарности, основанная на сетевой логике распределения функций. Её устойчивость обеспечивается не глубиной формализации, а способностью адаптировать пространственную организацию производства к глобальным технологическим и рыночным сдвигам без разрушения кооперационной взаимозависимости приграничных территорий.

"Треугольники" роста: "азиатская модель" трансграничного сотрудничества. Довольно специфическая форма трансграничного регионализма, получившая развитие в виде так называемых "треугольников роста", в конце 1980-х – начале 1990-х гг. сформировалась в Восточной и Юго-Восточной Азии **[13]**.

К числу наиболее известных инициатив подобного рода традиционно относятся SIJORI (Сингапур – Джохор – Риау, 1989), субрегион Большого Меконга (1992), IMT (Индонезия – Малайзия – Таиланд, 1993), BIMP–EAGA (Бруней – Индонезия – Малайзия – Филиппины, 1994), а также CLV Development Triangle Area (CLV-DTA) (Камбоджа – Лаос – Вьетнам, 1999). Эти образования охватили различные регионы ЮВА, отличающиеся уровнем экономического развития и обеспеченностью факторами производства.

Появление данной модели, с одной стороны, обусловливалось адаптацией прежней модели японских вложений в страны региона, при которой инвесторы руководствовались прежде всего национальным правом стран-ре-

ципиентов, предполагавшим создание не только крупного совместного предприятия, но и местной сети смежников, максимальную локализацию всех этапов производства на территории государства, получавшего инвестиции **[23]**, с другой стороны – благоприятным сочетанием в регионе макрорегиональных и локальных факторов, включавшим рост новых индустриальных экономик, перенос производственных мощностей на соседние территории с более низкими издержками, смягчение политических барьеров после окончания холодной войны и усиление трансграничных инвестиционных и торговых потоков. В этих условиях приграничные территории начали рассматриваться как пространства функционального сопряжения различных экономических систем, где различия в стоимости труда, технологическом уровне и доступе к капиталу могли использоваться как источник взаимной выгоды.

Концептуально "треугольники роста" представляют собой ограниченные транснациональные субрегионы, формируемые на основе объединения территорий с взаимодополняющими факторами производства и сравнительными преимуществами. Их ключевой особенностью является ориентация не на создание полноценных наднациональных институтов, а на формирование функциональных экономических связей – производственных, инвестиционных и инфраструктурных **[11]**.

Принципиально важной характеристикой данной модели является её институциональная гибкость. В отличие от европейской практики, где трансграничное взаимодействие опирается на формализованные правовые механизмы, азиатские "треугольники роста" в значительной степени основаны на развитии естественных экономических связей – торговых потоков, инвестиционной активности, производственной кооперации и деловых сетей, часто возникающих ещё до появления специализированных институтов управления **[12]**. Государства здесь играют важную роль в создании благоприятной нормативной среды, однако непосредственная координация взаимодействия осуществляется преимущественно через горизонтальные связи бизнеса, региональных администраций и инфраструктурных операторов. Такая модель позволяет достигать необходимой комплементарности без глубокой институциональной унификации. Сотрудничество развивается как функциональная интеграция, при которой государства сохраняют полный контроль над национальными институциональными системами и избегают создания жёстких наднациональных структур. Комплементарность, таким образом, формируется через практическое сопряжение экономических функций приграничных территорий, а не через согласование политик в формализованных институциональных рамках **[8]**.

Вместе с тем практический опыт функционирования "треугольников роста" демонстрирует, что комплементарность не возникает автоматически и требует обеспечения определённых условий. Исторические, культурные и этнические связи приграничья выступают важным фактором устойчивости взаимодействия, как показал пример SIJORI, где экономическая интеграция опиралась на длительную историю торговых и социальных контактов **[24]**. Одновременно недостаточная инфраструктурная связанность или ограниченность институциональной координации могут существенно снижать эффективность подобных инициатив.

Особое значение также имеет и двойственная природа институциональной гибкости. С одной стороны, минимизация формальных обязательств облегчает запуск трансграничных проектов и снижает политические барьеры. С другой стороны, по мере углубления взаимодействия возникает объективная потребность в более устойчивых механизмах координации, правовой синхронизации и распределения полномочий между центральными и региональными уровнями управления **[17]**.

Таким образом, неформальность выступает не альтернативой институционализации, а скорее её начальной стадией, обеспечивающей постепенное формирование устойчивых трансграничных связей. В этой связи модель трансграничного взаимодействия Юго-Восточной Азии может быть охарактеризована как гибкий функционально-сетевой механизм достижения комплементарности, основанный на использовании различий в экономической структуре приграничных территорий при сохранении институционального суверенитета государств. Комплементарность в ЮВА формируется через огра-

ниченные по масштабу субрегиональные проекты, неформальные механизмы координации и постепенное институциональное оформление уже сложившихся экономических взаимозависимостей. Это позволяет рассматривать модель "треугольников роста" как инструмент селективного сопряжения территориальных экономических систем, обеспечивающий развитие трансграничного взаимодействия без необходимости глубокой институциональной интеграции.

Заключение

Проведённый анализ международного опыта позволяет выявить три принципиально различные институциональные модели обеспечения необходимой в каждом случае трансграничной комплементарности. Европейская модель демонстрирует институционально насыщенный путь, при котором комплементарность формируется как результат формализованного согласования политик через наднациональные механизмы, совместное программирование и финансовую интеграцию. Североамериканская модель, напротив, основана на проектно-сетевой логике, где комплементарность возникает через трансграничные производственные цепочки и функциональную специализацию территорий, а институциональная координация носит преимущественно договорный и рамочный характер. В странах Юго-Восточной Азии комплементарность формируется через гибкие и преимущественно неформальные механизмы, основанные на селективных субрегиональных инициативах, сетевых взаимодействиях и постепенном институциональном оформлении уже сложившихся экономических взаимосвязей.

Принципиальное различие между моделями заключается не в степени интенсивности взаимодействия, а в институциональном механизме его воспроизводства: через формализованные наднациональные институты, через производственно-сетевую взаимозависимость или через гибкие функциональные кооперационные структуры. Это позволяет рассматривать комплементарность как производную институциональной архитектуры трансграничного взаимодействия, а не исключительно как характеристику экономической взаимодополняемости территорий.

Проекция выявленных закономерностей на российско-китайское приграничье позволяет обозначить ряд принципиальных моментов, которые свидетельствуют о типичности процессов взаимодействия, но в то же время подчёркивают их специфику. С одной стороны, сопредельные территории России и Китая обладают значительным потенциалом структурной комплементарности, обусловленным как различиями в масштабах экономики, демографической структуре, производственной специализации и инфраструктурной конфигурации, так и общностью природных систем, схожестью периферийного положения. С другой стороны, существующие механизмы взаимодействия в значительной степени сохраняют межгосударственный и административно-координационный характер, тогда как устойчивые трансграничные производственные сети, сопоставимые с североамериканским опытом, гибкие сети основанные на долгосрочных, исторически сложившихся хозяйственных связях, подобные сетям в странах Юго-Восточной Азии», или институционализированные наднациональные механизмы координации, аналогичные европейской модели, остаются ограниченными.

В условиях российско-китайского приграничья институционально закреплённые режимы координации формируются преимущественно вокруг отдельных инфраструктурных и инвестиционных проектов, а не в форме целостной системы скоординированного управления развитием. К числу наиболее показательных примеров относится трансграничный мост Благовещенск – Хэйхэ, эксплуатация которого потребовала согласования таможенных процедур, транспортных стандартов и логистических режимов, а также создания специализированных операторов и инфраструктурных узлов по обе стороны границы. Аналогичным образом функционирует железнодорожный мост Нижнеленинское – Тунцзян, ориентированный на интеграцию российских сырьевых потоков в китайские производственные цепочки, что предполагает институционально оформленное взаимодействие транспортных, таможенных и корпоративных структур двух стран.

Одновременно формируются элементы сопряжённого правового регулирования в рамках территорий опережающего развития Дальнего Востока и

китайских приграничных экспериментальных зон (Хэйхэ, Суйфэньхэ, Хуньчунь), где действуют специальные режимы привлечения инвестиций, упрощённые административные процедуры и ориентированные на внешнеэкономическое взаимодействие механизмы поддержки бизнеса. Однако данные инструменты функционируют преимущественно в национальных институциональных контурах и лишь частично синхронизированы между собой, что ограничивает их способность обеспечивать системную комплементарность.

В результате координация носит преимущественно проектный характер и зависит от межправительственных соглашений, тогда как постоянно действующие двусторонние институты регионального уровня, обеспечивающие совместное стратегическое планирование и управление развитием приграничных территорий, остаются недостаточно развитыми. Это означает, что существующая взаимодополняемость хозяйственных структур российского Дальнего Востока и северо-восточных провинций Китая лишь частично трансформирована в институционально воспроизводимую систему взаимодействия.

Опыт рассмотренных международных моделей показывает, что углубление комплементарности не обязательно предполагает движение к наднациональным механизмам управления по европейскому образцу. В условиях российско-китайского приграничья более реалистичной представляется траектория постепенного расширения механизмов селективной институциональной координации, ориентированной на решение конкретных инфраструктурных, логистических и инвестиционных задач. При этом дальнейшее развитие комплементарности будет определяться не только совпадением экономических интересов сторон, но и способностью существующих управленческих систем обеспечивать согласование стратегических приоритетов без существенного ограничения национального суверенитета. В этом смысле российско-китайское приграничное взаимодействие может рассматриваться как самостоятельная конфигурация комплементарности, сочетающая элементы проектной координации и государственного стратегического управления.

Литература / References

1. Американский капитализм в 80-е годы. Закономерности и тенденции развития экономики / Под ред. Г. Е. Скорова. М.: Наука, 1986. 525 с.
   Skorov G. E. (ed.) American Capitalism in the 1980s: Patterns and Trends in Economic Development. Moscow, Nauka, 1986. 525 p. (In Russ.)
2. Aoki M. Toward a Comparative Institutional Analysis. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. // MIT Press web-site. URL: https://mitpress.mit.edu/9780262011877/toward-a-cpmparative/institutional-analysis (accessed 02.02.2026).
3. Blatter J. `From Spaces of Place' to `Spaces of Flows'? Territorial and Functional Governance in Cross-border Regions in Europe and North America. *International Journal of Urban and Regional Research.* 2004. Vol. 28, No. 3. P. 530–548.
4. Cañas J. Coronado R., Gilmer R. W., Saucedo E. The Impact of the Maquiladora Industry on U.S. Border Cities. *Growth and Change.* 2013. Vol. 44, No. 3. P. 415–442.
5. Cañas J., Gilmer R. W. The Maquiladora Changing Geography. *Southwest Economy.* 2009. No. 2. P. 10–14.
6. Contreras O. F. Transnational corporations and local learning: creating local capabilities from the global automotive industry. *Revista Internacional de Organizaciones.* 2010. No. 4. P. 71–86.
7. European Commission. European Territorial Cooperation (Interreg) // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/policy/cooperation/european-territorial_en (accessed 23.02.2026).
8. Grundy-Warr C., Perry M. Economic Integration or Interdependence? The Nation-state and the Changing Economic Landscape of Southeast Asia. In: Grunsven L. van (ed.) Regional Change in Industrializing Asia // Regional and Local Responses to Changing Competitiveness. Ashgate: Aldershot, 1998. P. 197–229.
9. Hall P. A., Gingerich D. W. Varieties of Capitalism and Institutional Complementarities in the Political Economy: An Empirical Analysis. *British Journal of Political Science*. 2009. Vol. 39, No. 3. P. 449–482. https://doi.org/10.1017/S0007123409000672
10. Hall P. A., Taylor R. C. R. Political science and the three new institutionalisms. *Political Studies.* 1996. Vol. 44, No. 5. P. 936–957. https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1996.tb00343.x
11. Humphries A. M. Growth Triangles of South East Asia. Canberra: East Asia Analytical Unit, 1995. 136 p.

12. Hutchinson F. E., Chong T. The SIJORI Cross-Border Region More than a Triangle // In: Hutchinson F. E., Chong T. (eds.) The SIJORI Cross-Border Region: Transnational Politics, Economics, and Culture. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2017. P. 9–30.
13. McGee T. G. and Robinson I. The Mega-Urban Regions of Southeast Asia. Vancouver, Canada: University of British Columbia, 1995. 400 p.
14. McLachlan I., Aguilar A. G. Maquiladora Myths: Locational and Structural Change in Mexico's Export Manufacturing Industry. *Professional Geographer.* 1998. Vol. 50, No. 3. P. 315–331.
15. Medeiros E. Territorial Impact Assessment and Cross-Border Cooperation. *Regional Studies.* 2015. Vol. 2, No. 1. P. 97–115. https://doi.org/10.1080/21681376.2014.999108
16. Mercier D. La Industria maquiladora de exportación mexicana hace 40 años. *Revista Galega de Economia.* 2005. Vol. 14, No. 1–2. P. 1–17. Mercier D. Mexican Export Industry of Maquiladora after 40 years. *Revista Galician Economic Journal.* 2005. Vol. 14, No. 1–2. P. 1–17. (In Span.)/
17. Nguyen Dinh Co, Le Ba Vuong, Tong Thi Tan, Nguyen Tuan Binh. Cooperation in Border Areas among Some Southeast Asian Mainland Countries: A Case Study of the Cambodia-Laos-Vietnam Development Triangle. *Cogent Arts & Humanities.* 2025. Vol. 12, No. 1. P. 1–14.
18. North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990 // Cambridge University Press web-site. URL: https://www.cambridge.org/core/product/identifier/9780511808678/type/book (accessed 02.02.2026).
19. Perkmann M. Cross-Border Regions in Europe: Significance and Drivers of Regional Cross-Border Co-Operation. *European Urban and Regional Studies.* 2003. Vol. 10, No. 2. P. 153–171. https://doi.org/10.1177/0969776403010002004
20. Peters E. D. Mexico's new industrial organization since 1980s. Glocal challenges from export-orientation and polarization // In: Weiss J., Tribe M. (eds.) Routledge Handbook of Industry and Development. London: Routledge, 2015. P. 320–334.
21. Provan K., Kenis P. Modes of Network Governance: Structure, Management, and Effectiveness. *Journal of Public Administration Research and Theory.* 2007. Vol. 18, No. 2. P. 229–252.
22. Regulation (EU) 2021/1059 of the European Parliament and of the Council of 24 June 2021 on specific provisions for the European territorial cooperation goal (Interreg). *Official Journal of the European Union*. 2021. L 231. P. 94–158 // Official European Union Law Database. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/1059/oj (accessed 23.02.2026)
23. Rhodes R. A. W. The Governance Narrative: Key Findings and Lessons from the Erc's Whitehall Program. *Public Administration.* Public Administration. 2000. Vol. 78, No. 2. P. 345–363. https://doi.org/10.1111/1467-9299.00209
24. Singh M. Economic Developments in the Sub-regional Growth Zones in ASEAN: A Case Study of SIJORI-Growth Triangle. *SSRG International Journal of Humanities and Social Science.* 2020. Vol. 7, No. 5. P. 88-97.
25. Steinberg R. H. The North American Free Trade Agreement: A Legal Analysis of Effects and Opportunities. *Corporate Counsel's Quarterly.* 1994. No. 2. P. 3–31.

◆

Информация об авторах

Андрей Борисович Волынчук, д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Отдела международных отношений Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mal: i-abv@yandex.ru

Сергей Константинович Песцов, д-р полит. наук, заведующий Отделом международных отношений Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: skpfox@yandex.ru

Виталий Евгеньевич Болдырев, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела международных отношений Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: boldyrev89@list.ru

Information about the authors

Andrei B. Volynchuk, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Department for International Relations, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: i-abv@yandex.ru

Sergei K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Head of Department for International Relations, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: skpfox@yandex.ru

Vitalii E. Boldyrev, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department for International Relations, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: boldyrev89@list.ru

Поступила в редакцию 12.03.2026 Одобрена после рецензирования 15.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 12.03.2026 Approved 15.08.2026 Accepted 25.08.2026